

Сергей Думаков

Тридцать вторая

Саша Лезински никому не рассказывал о том, что случилось с ним на 32-ой автостраде, и не потому, что боялся быть неправильно понятым. Сашу не страшила вероятность оказаться осмеянным – в конце концов, три года назад он окончил среднюю школу Дерри, где за много лет привык равнодушно сносить любые насмешки. События, произошедшие летним вечером в придорожной закусочной, не нуждались в публичном освещении, вот такая причина заставляла его держать рот на замке. Иногда человек сталкивается с вещами, которые не просто необъяснимы – они больше самого человека, намного больше любого из людей, когда-либо живших на этой планете. Один из великих (Лезински не мог сказать с уверенностью, кто именно) сказал что-то насчет глаз в бездне, и по прошествии времени это показалось Саше очень удачной метафорой короткой встречи на безлюдном шоссе, встречи, которая и годы спустя, выглядела настолько жуткой, что любое воспоминание о ней вгоняло молодого человека в ступор.

Саша Лезински никому не рассказывал о том, что случилось на 32-ой автостраде, потому что был уверен: то, что ему удалось выжить – просто везение. И если этой истории дать еще один шанс – да хотя бы просто проговорить ее вслух – она обязательно воспользуется случаем и добьет его окончательно.

В редкие моменты, когда Саша вспоминает ту июльскую пятницу, первым из глубин памяти приходит запах. Запах свежего попкорна, который всегда ассоциировался у него с темнотой кинозала и углублениями для напитков в подлокотниках зрительных кресел. Сладковатый, приторный аромат, неизменно сопровождающийся гулким шепотом зрителей и стрекотом киноаппарата. До той пятницы Саша и не подозревал о том, что, будучи вырванным из контекста, этот *ambre* неприятен... даже в чем-то нелогичен. Возникает какое-то глубинное ощущение неправильности, ненормальности ситуации, когда в твой магазин заходит человек в длинном черном пальто и высоких узконосых ботинках, благоухающий только что поджаренным попкорном.

Этот человек появился в закусочной точно в полдень – одинокий репродуктор, болтавшийся под потолком, как раз начал передавать новости. Саша несколько раз просил мистера Паркера перенастроить частоту приемника – от круглосуточных вокализов Бритни Спирс и Роба Томаса у него частенько сдавали нервы. Мистер Паркер всегда отвечал одно и то же: эта штука висит тут не для тебя, Саша. Думаешь, музыка «Ред Хот Чили Пепперс» пойдет на пользу пищеварению наших клиентов? Саша так не думал, более того, то, что он думал, вряд ли понравилось бы мистеру Паркеру. Мне насрать на ваших клиентов, да и на вас, в сущности, тоже, сэр. Мне насрать на пищеварение этих ублюдков-дальнобойщиков, советующих укоротить волосы и зажечь, наконец, половой

жизнью. Насрать на редких коммивояжеров, с подозрением ковыряющих вчерашний салат, насрать на полупьяных подростков, выбравшихся тайком на родительских тачках скоротать уик-энд в этой глуши. Именно он, Саша, стоит под этим долбаным динамиком каждый день, именно он вынужден улыбаться очередному *дилдо*, когда тот с хитрым видом подмигивает ему, услышав из-под потолка «сделай это еще раз», именно он, а не они...

Человек в черном пальто ступил на порог заведения, когда Саша готовился в очередной раз отрепетировать свою отповедь на грязном пивном бокале. Удивительно, но ни звука подъезжавшего автомобиля, ни стука каблучков на деревянном крыльце Саша не слышал: от бокала с дюжиной сальных отпечатков его оторвал звон дешевого китайского колокольчика над дверью.

Ну и запах, разумеется.

Прежде чем поднять глаза на посетителя, Саша подумал: «Интересно, чем же занимается этот парень, если от него так несет кукурузой?» Потом он улыбнулся, посмотрел на вошедшего и приготовился принять заказ.

Только слова, произнесенные уже с тысячу раз, так и не сорвались с его губ. Более того – Саша едва не расхохотался (что было бы весьма опрометчиво с его стороны, как он понял позже), настолько нелеп и аляповат был его полуденный гость. Несмотря на июль, человек был одет в черное пальто до щиколоток, широкополую шляпу, скрывавшую лицо до подбородка, и тяжелые ботинки с длинными острыми носками. Кроме того, он носил часы – на правой руке, прямо поверх пальто; и шейный платок, повязанный на поясе – Саша видел такие раньше, мать часто привозила подобные вещички с распродаж в Бангоре. Только носила она их, как и положено, на шее, и с драповым пальто уж точно не комбинировала.

Человек, не поднимая головы, дошел до ближайшего столика и сел спиной к Саше.

Он просидел неподвижно минут пять – новости из репродуктора сменились проверенным хитом Мадонны.

За два с половиной года Лезински насмотрелся на всякое. Его несколько раз грабили, с дюжину посетителей убегали из заведения, не расплатившись, кое-кто норовил устроить в закускойной дебош... и лишь вначале Саша по-настоящему волновался. Как-то вечером, перед самым закрытием, в помещение влетела девушка лет двадцати – в растрепанных волосах торчал кусок проволоки, блузка черной рваной тряпкой висела на плечах. На лице красовалось как минимум с полдюжины синяков, не говоря уже о пятнах крови на джинсах... девушка споткнулась о слишком высокий порог и растянулась на полу, так и не сумев толком войти. Не успел Саша сделать и движения, как в наполовину закрытый дверной проем протиснулась мускулистая мужская рука – расцарапанная, волосы торчали на ней мокрыми клочьями – и сомкнулась на левой голени девушки, стиснула ее так, что кожа вокруг ладони побелела. Девушка завопила – на очень высокой ноте, практически безысходно... и исчезла за дверью, ее просто выдернули назад, в темноту. Крик резко прервался, сменившись глухим

мычанием, и когда Саша, роняя посуду и блокноты с меню, выбежал из-за стойки и распахнул дверь, то успел заметить лишь габаритные огни ревущего пикапа, сворачивающего с основной дороги.

Однако, несмотря на все эти случаи, одного Саше испытать не пришлось. Того, чего он боялся больше всего. За два с половиной года работы ему ни разу не приходилось иметь дела с Настоящим Психом.

Он часто прокручивал в голове встречу с представителем этого типа клиентов, так как понимал, что любой работник так называемой сферы обслуживания рано или поздно сталкивается с ними. Но как он ни планировал, как ни расписывал свои действия – все заходило в тупик. Вы не можете предугадать действия Настоящего Психа, и в ответ на вашу улыбку он может всадить нож в горло... так сказал ему мистер Паркер в первый же рабочий день и показал кнопку вызова помощи. Кнопка располагалась под прилавком, там, где киношные продавцы обычно держат дробовик. Только дробовика мистер Паркер не держал, не слишком доверяя молодым продавцам – а может просто из жадности. Он считал, что «горячей кнопки» в случае чего окажется достаточно, и на протяжении двух с половиной лет так оно и было.

Однако когда мужчина с шейным платком, повязанным вокруг талии, сел за первый столик, Саше показалось, что одной кнопки может не хватить. В конце концов, вы никогда не сможете просчитать логику Настоящего Психа... а, судя по всему, этот парень был именно таким.

– Сэр? – как можно спокойней сказал Саша, когда убедился в том, что посетитель не собирается ничего предпринимать. – Сэр, ваш заказ?

Фигура незнакомца оставалась недвижимой секунд двадцать после того, как эхо сказанных слов пролетело по внутренней комнате и стихло. Затем он поднял лицо к потолку и внятно произнес:

– Что.

Еще через пару секунд:

– Нибудь.

«По крайней мере, он разговаривает», – подумал Саша, испытав некоторое облегчение. Если этому типу хочется разговаривать с лампами дневного света – бог в помощь, как говаривала мать. Не стоит мешать увлеченным людям.

– У нас очень хорошие чизбургеры, и кофе мы тоже варим сами. Как насчет кинг-чизбургера и стаканчика эспрессо? После долгой дороги – в самый раз.

Саша удивился собственному многословию. Лишь спустя некоторое время он нашел силы сознаться себе в том, что готов был болтать без умолку, лишь бы сидящий спиной человек не заговорил вновь. Смешно, конечно, но Саше было не до смеха, и красная кнопка под правой рукой уверенности несколько не добавляла. Сколько времени требуется полиции, чтобы добраться до этого сарая? Полчаса? Час? Саша читал об одном парне, обладавшем искусством потрошения поросенка за двенадцать минут, а что он мог вытворить за полчаса – страшно даже предположить.

Стараясь ничем не выдавать все возрастающего волнения, Саша выдержал необходимую паузу и громко повторил:

– Ну так что по поводу чизбургера, сэр? Вы не против?

Приняв молчание за своеобразное одобрение, Саша сунул в микроволновку пакетик с бутербродом (ничего королевского, обычная булка с котлетой) и включил кофейную машину. Он делал все это на автомате, украдкой поглядывая на единственного посетителя и моля господу о том, чтобы какой-нибудь дальнобойщик с манерами гопника захотел перекусить по дороге из Роксбурга в Стэтлер. Черт с ней, с этой плоской шуткой о волосах (сегодня, к тому же, аккуратно стянутых резинкой) – сейчас он только бы обрадовался такому громиле.

Потому что пахнувший попкорном человек, сидящий напротив, – пусть и не отпускающий шпилек насчет Сашиных прыщей – гораздо более опасен.

Микроволновка коротко пискнула, Саша как раз успел нацедить кофе. Этот нехитрый прием он исполнял сотни раз, на все уходило минуты полторы – иногда он даже заслуживал одобрительные хлопки по плечу. «Навряд ли сегодня я услышу аплодисменты», – подумалось ему. Репродуктор над головой верещал что-то про Билли Джин, и строчка, в которой Майкл Джексон отказывался от отцовства, вдруг показалась Саше чрезвычайно тревожной, он даже поежился: было что-то скрытое, какая-то неявная угроза в словах героя. «Черт с ним, с Джексонном», – оборвал он себя. – «Надо завтра же заставить мистера Паркера убрать эту чертову хрень, и в этот раз ему придется меня выслушать».

Саша выбрал из кучи подносов самый чистый, поставил на него кофе и чизбургер в обжигающей упаковке, добавил пару рекламных буклетов. Подумав, отбил чек и положил его рядом.

Идти чертовски не хотелось («а если он схватит меня за руку – как схватили ту девушку на пороге? Я ведь даже не смогу нажать на гребаную кнопку, и у мистера Психа будет уйма времени»), но не мог же он стоять за прилавком вечно? В его же интересах обслужить этого придурка как можно быстрее.

Саша вздохнул, взял поднос и направился к столику. Чем ближе он подходил к человеку в черном пальто, тем кукурузная вонь – другого слова и не подобрать – становилась все сильнее и... *искусственнее*? Да, пожалуй, так: это был не просто странный запах, это был фальшивый запах, ненастоящий, чтобы сбить с толку – так действуют некоторые репелленты, привлекающие насекомых. Сердце Саши забило быстрее, он начал подозревать, что с этим человеком что-то не так, что он далеко не Настоящий Псих, нет, сэр, все гораздо хуже.

– Чизбургер и кофе, – выдавил он, и поставил поднос перед незнакомцем – сзади, не дойдя до него пару шагов. Он не хотел обходить его, не хотел заглядывать ему в лицо... черт, если ему так удобнее, пусть он обедает в шляпе, Саша не против. Вовсе нет. – Ваш заказ, сэр. Восемь девяносто пять.

Человек на стуле резким движением повернул голову и уставился на Сашу. Тому выдался, наконец, случай разглядеть визитера, и лицо это по сей день преследует молодого человека в кошмарах, изменяя форму, воском растекаясь по

скатерти придорожной забегаловки, изгибая глазницы и рот в мученической гримасе.

Из-под шляпы на него смотрели бесцветные, ничего не выражающие глаза. На бледном овале лица они выглядели нарисованными – так плюшевым игрушкам пришивают пуговицы, имитируя органы зрения. Взгляд был расфокусирован, человек мог смотреть на Сашу, на барную стойку за его спиной, на все, что угодно. Лицо ничего не выражало, и это пугало больше всего. Оно было фальшивым, как запах попкорна, похожим на выдавленную в гипсе посмертную маску с подрисованными морщинами вокруг глаз и уголков губ. Человек в шляпе слегка наклонил голову. «Боже, – подумал Саша, – это как в том глупом кукольном театре... когда на палец одевается кусок поролона и все договариваются считать это головой».

– Я направляюсь в Стэтлер, – произнес человек, сидящий за столиком. – Там находится то, что принадлежит мне.

Сашу обдало горячим дыханием, и он едва не сошел с ума. Из рта посетителя пахло мятой и корицей – такая же обманка, как и попкорн, только самое ужасное было в голосе, словно кто-то разговаривал по рации, скрипя, с натугой пробиваясь через помехи, и этот тяжелый, монотонный голос не принадлежал человеку. «Только бы он не снимал шляпу, – мелькнула судорожная мысль. – Господи, пусть он оставит ее там, где она есть».

– Вы не подскажете, как проехать в Стэтлер? – воскликнул вдруг незнакомец с такой искренностью, словно спрашивал о пропавшем щенке. – Мне очень нужно в Стэтлер, я вам не говорил?

Сашу словно парализовало, он стоял столбом и не знал, что ответить, вполне отдавая себе отчет в том, что молчание может его убить. Эта смена интонаций настолько поразила его, что он неожиданно сделал еще одно неприятное открытие: когда человек говорил, шевелились только губы – лицевые мышцы, скулы, лоб оставались абсолютно неподвижны.

– Сэр... – робко начал Саша, безуспешно пытаясь отвести взгляд от невидящих глаз. – Сэр, ваш заказ... Восемь девяносто пять... Чизбургер... Кофе... Тут одна дорога! Отсюда одна дорога, и она ведет на Стэтлер!

От собственного крика Саша пришел в себя. Существо в черном пальто кивнуло. Один раз. Другой.

– Спасибо! – воскликнуло оно с теми же восторженными нотками. – Я очень... рад.

На последнем слове его голова наклонилась над столом. Он практически окунул свой нос в кофе, и Саша с радостью воспользовался представившимся моментом. Он едва ли не в два прыжка преодолел пространство до прилавка и выскочил во внутреннюю комнату – по сути, большую кладовку с запасным выходом.

Запасной выход – это именно то, что было нужно Саше, нужно как воздух, ха-ха. Ему необходимо сделать глоток воздуха, воздуха, который не пропитан ароматом мяты и попкорна, и если ему повезет, он встретит кого-нибудь снаружи.

Саша вылетел на улицу и прислонился к горячей стене, не обращая внимания на то, что впервые за два с половиной года оставляет заведение без присмотра. Ему казалось, что человеку в черном пальто абсолютно по барабану содержимое кассового аппарата. То, что ему действительно интересно, находится в Стэтлере, который находится в сорока милях к югу отсюда – как гласил огромный указатель на подъезде к закусочной. Этот тип просто не мог не заметить двухметровый щит с единственной надписью, так какого черта он спрашивал? «Он спрашивал, потому что не знал. Он не знал, где находится Стэтлер. Он не видел этот указатель, и я сомневаюсь, что он заехал сюда по дороге из Роксбурга».

Вокруг было тихо и безлюдно – что неудивительно. В пятницу тридцать вторая трасса практически вымирала, Саше редко удавалось довести выручку до ста долларов. В полдень и вовсе надеяться не на что – самое пекло, такое время водители стараются переждать в мотелях... «Или придорожных закусочных. Жаль только что те, на кого я надеялся, выбрали не мою».

Он вздохнул и стал прикидывать, что делать дальше. Ситуация выходила патовая – ровно такая же, как в выдуманных случаях с Настоящим Психом.

«Не псих, – снова сказал себе Саша.– Очнись, приятель. Это не псих, это черт-те-знает что такое».

Если не псих, то кто?

Саша не знал, да и не очень-то и хотел знать. Он мог сказать, кем этот гость НЕ был. Он не был похож на живого человека, хотя и очень хотел таковым выглядеть. Существо в черном пальто и длиннополой шляпе пыталось выдать себя за человека в черном пальто и длиннополой шляпе, только камуфляж был явно не на высоте. Наверное, так же выглядел бы сам Саша, попытайся он мимикрировать под, скажем, мексиканский кактус.

Чего он хочет?

А вот это вопрос посложнее, хотя Саша знал ответ и на него: он хочет в Стэтлер. Ведь там находится то, что ему принадлежит, разве он не говорил?

«Нужно возвращаться. Не хватало еще, чтобы он решил, будто я куда-то слинял».

Саше почему-то не хотелось, чтобы это создание чувствовало себя обманутым, но кое-что перед возвращением он все-таки решил сделать.

Он решил посмотреть, на чем прибыл сюда мистер Шейный Платок.

Нет, он не сошел с ума, хотя был очень близок к этому. Просто в его голове понемногу вырисовывался план – не бог весть что, но лучшего плана у Саши не было. Он собирался вернуться за стойку, нажать на кнопку тревоги... и посмотреть, что из этого выйдет. Наверняка этот безумный посетитель уйдет раньше, чем приедут патрульные из взвода Д (если, конечно, нигде поблизости нет аварии), и тогда Саше придется многое объяснить. Он не был столь наивен, чтобы предполагать, будто полицейские с радостью примут его версию событий – господи, ко мне только что заглянул на огонек обитатель «Сумеречной зоны» – поэтому хотел иметь кое-что про запас. Если он аккуратно обследует автомобиль

человека с бесцветными глазами, то сможет сообщить патрульным номер машины и еще пару характерных деталей, по которым найти его не составит особого труда.

Это был довольно глупый план, но Саша ухватился за него как за последний брошенный в воду спасательный круг. Если тот, кто сидит за столиком, увидит Сашу, блуждающего вокруг своего, допустим, «Форда», у него могут возникнуть вопросы, и, если учитывать странную манеру посетителя их задавать, Саша мог получить вместо спасения еще более трудную ситуацию. А ведь автомобиля может и не быть – почему бы нет? Если он носит часы поверх пальто, то ничего нельзя сказать наверняка. Он мог прошагать полпути пешком, доехать сюда на попутках, материализоваться прямо на пороге, в конце концов. Если машины не будет, вся затея с вызовом полиции провалится. Саше не останется ничего, а он совсем не хотел коротать остаток пятницы в компании этого существа (который, хоть и не являлся Настоящим Психом, мог выкинуть все, что вздумается... а думает он, похоже, еще более странным образом, чем говорит). Тем не менее, это был путь, движение, а движение обладает гораздо более сильной энергией, чем статика. Саша понимал это, и, несмотря на очевидную глупость задуманного, решил все же довести свою идею до конца.

Он как можно тише обогнул здание и вытянул голову, чтобы рассмотреть то, что находилось перед крыльцом – если, конечно, там что-то находилось.

Автомобиль стоял на противоположном углу, едва не воткнувшись фарами в стену забегаловки. Это был шикарный темно-синий «Бьюик Роудмастер», одна из самых дорогих моделей середины прошлого столетия, с блестящей хромированной решеткой радиатора и воздухозаборниками на передних крыльях. Несмотря на полувековой возраст, автомобиль выглядел идеально – он просто сверкал под ослепительным июльским солнцем, и все же что-то в нем было не так. Строго говоря, в нем априори было что-то не так, раз именно на этом «Бьюике» приехал бледный любитель длиннополых шляп (и вообще большой модник), и в то же время какая-то деталь особенно царапала Сашин взгляд. Он согнулся так, чтобы сидящий за столиком псевдочеловек не мог видеть его из окна, и на корточках подобрался к машине вплотную.

Вблизи автомобиль производил еще большее впечатление – в нем чувствовалась скрытая мощь, сила, за обладание которой необходимо очень хорошо заплатить. Когда такой «Бьюик» мчится по скоростному шоссе, то наверняка собирает восхищенные взгляды голосующих автостопом и случайных встречных водителей. Чему тут удивляться, эта тачка сейчас стоит не меньше пятидесяти тысяч баксов, есть чему позавидовать.

Саша убедился, что из окна его ни видно, и выпрямился. Тут же он заметил то, что смутило его еще издали: чтобы добраться до этого места, водитель должен был свернуть с 32-ой автострады, преодолеть несколько метров насыпной подъездной дорожки и кучу гравия, отделяющую пешеходную зону от парковочного места (в том, что «Бьюик» проигнорировал парковку, Саша не видел ничего странного). Но ни на дорожке, ни на гравии отпечатков протекторов

не было – вообще. За весь сегодняшний день Саша продал лишь два больших гамбургера, и оба купил около десяти часов утра упитанный байкер средних лет. Он оставил свой «Харлей-Дэвидсон» на обочине автострады, объясняя это тем, что разворачиваться и подниматься в горку ему уже не так легко, как раньше. Больше посетителей не было – до того, разумеется, момента, пока не появился кукурузный приятель, поэтому отсутствие *остальных* следов было вполне логично, а вот как сюда попал *этот* автомобиль? Вылез из-под земли? Свалился с небес?

И все же что-то было не так, еще более не так, чем отсутствие следов. Что-то более тревожное, надоедливый сигнальный маячок в мозгу. Он твердил об опасности, о серьезной опасности, и Саша не мог понять, почему.

Номерных знаков «Бьюик» не имел. Это не было такой уж плохой новостью. Сколько таких вот «Бьюиков Родмастеров» колесит по западной Пенсильвании? Саша мог поставить десять долларов на то, что меньше десятка, и наверняка не все обладатели таких машин катаются на них каждый день, так что отыскать этот автомобиль удастся за сутки, а то и раньше.

Этого Саше было вполне достаточно, он не хотел задерживаться здесь – «Бьюик», несмотря на всю свою исключительность, пугал его, чувство тревоги нарастало... и он уже присел на корточки, чтобы проделать обратный путь, когда заметил еще кое-что. Багажник машины был приоткрыт, и что-то торчало наружу. Саша мог видеть только небольшой фрагмент – что-то бесформенное, темно-зеленое, цвета бильярдного сукна.

Трасса по-прежнему пустовала. Где-то вдалеке слышался легкий, едва уловимый гул – должно быть, лесорубы вырубали остатки хвойных лесов. Саша подумал, что он совсем один – один на, возможно, десятки миль, и даже если он закричит во всю мощь своих легких, никто не услышит. Он может сорвать голос, и все равно никто не придет на помощь – ближайший городок находился в двадцати пяти милях к северу, и населен он в основном старыми республиканцами, которые свою безопасность ценят гораздо выше безопасности какого-то незнакомца, попавшего в беду. Если водителю «Бьюика» захочется провести показательную трепанацию черепа – вроде той, что Энтони Хопкинс со вкусом делает в фильме «Ганнибал» – ничего ему не помешает.

Он может убежать. Прямо сейчас. Взять и убежать, а парень в пальто пусть сидит здесь хоть до посинения. Плевать на эту долбаную закусную, плевать на мистера Паркера и все его угрозы.

Саша удивился, почему эта мысль не пришла ему в голову раньше. Чувство тревоги, сигнальный маячок – это страх за свою жизнь, инстинкт самосохранения, сигналы, которыми, возможно, подсознание пытается его спасти. Неужели он действительно хочет вернуться туда, к кассовому аппарату? Нет, не хочет. Спасибо, сэр. Так в чем же дело? Почему бы не сделать ноги? Он мог бы бежать лесными околотками, Саша довольно хорошо знает эти места. К концу дня он был бы уже в полицейском управлении Стэтлера, и...

Да только Саша понимал, что ничем хорошим это не кончится. Он представил фигуру незнакомца, мелькающую между деревьев, бегущую за ним... догоняющую его. Конечно, догоняющую. Потому что от этого нельзя убежать, «Бьюик» парня явно не знает, что такое платная автострада, он пользуется чем-то более быстрым, чем-то таким, от чего нельзя спрятаться в придорожных лесах. Он найдет Сашу, найдет еще до того, как тот увидит первые огни Стэтлера, найдет и задаст вопрос. Возможно, самый главный вопрос. Темно-зеленый вопрос, если можно так сказать.

Саша снова выпрямился, чтобы лучше рассмотреть содержимое багажника. Но багажник был закрыт.

«Этого не может быть, – мелькнула мысль, – я же точно видел, как оттуда торчал кусок...»

Кусок чего? Да и торчал ли вообще? Не придумал ли он все это сам? Вполне возможно. Сегодня на его долю выпало слишком много потрясений, даже для пятницы, и мозг вполне мог выкинуть дурную шутку. Хорошо еще, что он не увидел зеленых человечков, выпрыгивающих из салона «Бьюика».

Внезапно дверца багажника подпрыгнула, раздался негромкий металлический стук.

Саша замер, волосы на руках и шее встали дыбом.

Багажник машины хлопнул еще раз, уже сильнее, и Саша заметил, как что-то мелькнуло между задним крылом и дверцей до того, как та вновь закрылась. Что-то живое.

Теперь он слышал мерное гудение, звук, от которого вибрировали зубные пломбы.

Крышка еще раз подпрыгнула, на этот раз почти в полную силу, слегка приподняв задний мост «Бьюика». У Саши было несколько секунд, чтобы рассмотреть существо внутри багажного отсека, и эти секунды были самыми длинными в его жизни. То, что там находилось, больше всего напоминало чудовищно мутировавшую летучую мышь... и было чужим. Настолько ненормальным, настолько нелогичным и не отвечающим законам нашего мира, что Сашу сковал дикий, первобытный ужас. Это существо не могло жить на нашей планете, входя в противоречие с какими-то глубинными представлениями об основах бытия. Все – начиная с ядовитого, неестественного зеленого цвета и заканчивая безумной формой того, что у летучей мыши мы назвали бы крыльями, говорило о том, что это создание попало сюда по ошибке... и, похоже, оно это понимало. Наш мир для него был так же чужд, как и оно для нас, и звук, этот безумный звук, от которого ныли десны и сводило внутренности, это был крик о помощи, не так ли? Оно билось о стенки машины – должно быть, так же шокированное, как и Саша – и просило о помощи.

«Господи Иисусе», – подумал Саша и попятился назад, он не хотел, чтобы крышка багажника открылась совсем, чтобы неистовавшее там существо выбралось наружу, не хотел еще раз увидеть эту жуткую «летучую мышь»... но сильнее всего он не хотел слышать это гудение – яростное, отчаянное,

потустороннее. Он пятился и пятился, пока не почувствовал спиной обжигающе горячую стену, тогда он упал на корточки и пополз назад, за угол, туда, где белел прямоугольник открытой двери.

Гудение все еще отзывалось болезненным эхом у него в голове, когда Саша – обессиленный, выжатый как лимон – забился в угол подсобки, между двумя ящиками с полуфабрикатами. Он обхватил колени руками и уткнулся носом в джинсы, не замечая, что все тело сотрясает крупная дрожь. «Это все какой-то розыгрыш, – лихорадочно думал он, – Господи, пусть это будет гребаный розыгрыш, пусть это будет мистер Паркер со своей внеочередной проверкой или Джонни с друзьями – у них бы хватило ума устроить весь этот спектакль, только, Боже милостивый, пусть эта тварь в багажнике окажется пластиковой подделкой». Он не знал, сколько времени понадобится, чтобы он смог выйти в зал, встать у кассы и невозмутимо поинтересоваться у сидящего за первым столиком существа, не хочет ли тот еще чего-нибудь. Он понимал, что должен сделать это как можно скорее, должен отмести все подозрения в свой адрес... и, что самое главное, он должен вести себя так, будто не знает ничего о «Бьюике» и том, что находится внутри. Понимал, но ничего не мог с собой поделаться. Тело отказывалось повиноваться рассудку, мышцы одеревенели, Саша чувствовал, что не сможет сейчас поднять даже руку... не говоря уже о невозмутимой прогулке в кассовый зал, где изо всех сил надрывалась Селин Дион.

«Надо собраться, – из последних сил подал он сам себе сигнал. – Надо собраться, ведь ты же не хочешь совершить вояж на этом антикварном драндулете».

Это помогло: во всяком случае, он смог расцепить руки и выпрямить ноги. В ноздри уже начал проникать запах жареной кукурузы. Как ни странно, он тоже подействовал на Сашу тонизирующе. «Давай, чувак, – продолжал он подстегивать себя. – Если когда-либо твоя жизнь и зависела от того, как быстро ты сможешь подняться на ноги, так это теперь».

В конце концов, он смог сделать несколько шагов. Его тошнило, глаза слезились, икры то и дело сводило судорогой... но он упрямо, шаг за шагом, двигался вперед.

Когда он вошел под тусклый свет лампочки, висящей над барной стойкой, то, первое, что увидел – мятую зеленую банкноту, лежащую на прилавке. Одним уголком банкнота была засунута под кассовый аппарат, чтобы случайный порыв ветра не сбросил ее на пол. И только потом Саша перевел взгляд на столик, за которым сидел человек в черном пальто и длиннополой шляпе – то есть некто, прикидывающийся человеком, вы понимаете – и увидел, что там никого нет, что столик пуст, если не считать подноса с дымящимся стаканом кофе и кинг-чизбургером, завернутым в пакет. Посетитель, кем бы он ни был, ушел, оставив свой заказ нетронутым и расплатившись потертым портретом... кстати, каким? Саша вытащил купюру из-под пресса кассового аппарата, посмотрел на нее... и расхохотался, расхохотался так, что слезы брызнули из глаз. Естественно. Все

логично, не так ли? Логика, конечно, своеобразная, но денежный билет в полной мере ей соответствовал. По-другому и быть не могло.

Водитель «Бьюика» ушел, расплатившись банкнотой достоинством в восемь долларов девяносто пять центов.

Саша смеялся и смеялся, просто не мог остановиться.

– Восемь девяносто пять, господи боже мой! Сэр, вы могли бы добавить пару баксов чаевых! – пробормотал он и вновь залился смехом.

Он думал о темно-синем «Бьюике», темно-синем «Бьюике», который мчится сейчас по невидимым магистралям, сбрасывая скорость перед особо крутыми поворотами. Он представил себе яркий свет его фар, которым водитель ощупывает дорогу, чтобы не пропустить выбоины и трещины, представил, как блестит хромированная решетка радиатора в свете Солнца, каким бы оно там ни было. Он практически услышал свист ветра, с которым автомобиль рассекает пространство, чтобы пораньше успеть в Стэтлер, штат Пенсильвания, ведь у него там осталось то, что ему принадлежит, разве он не говорил.

Саша хохотал и хохотал, сползая под прилавок, чувствуя, что если будет смеяться так еще пару минут, то точно вывихнет челюсть.

На столе, за которым сидел человек в пальто, не хватало солонки и стакана с салфетками, вы понимаете? Понимаете, родные и ближние?

– Он остановился здесь потому, что у него закончилась соль и салфетки, господи боже, – заикаясь, бубнил себе под нос Саша. – Интересно, а что... что у него вместо масла? Кетчуп?

Эта острота вовсе лишила его сил, он свернулся от хохота пополам и закашлялся, чувствуя, что вряд ли сможет теперь спокойно смотреть на первый (от двери) столик, а от одного вида шейного платка его, скорее всего, вывернет наизнанку.

Почему этот человек ушел? Только ли потому, что загавкал этот безумный эквивалент Бобика в багажнике? Саша не знал... да и не хотел знать, как не хотел знать истинную природу водителя «Бьюика». Он чувствовал облегчение, граничащее с безумием, так чувствует себя человек, которому позвонили из медицинского центра и сказали, что его результат анализов спутали с результатом другого пациента, вы вообще не больны раком, сэр, извините. И в то же время он ощущал перемены в себе, чувствовал, что никогда не будет прежним Сашей Лезински – хотя бы потому, что каждую ночь будет засыпать с вопросом, что случилось с тем жителем Стэтлера, кто хранил у себя вещь, принадлежащую этому существу. Он не хочет думать об этом, но ничего не может с собой поделать – эта мысль сама собой приходит в голову, как только гаснет свет прикроватного бра.

Саша искренне надеется, что человека не было дома, когда «Бьюик» появился на его подъездной дорожке.

Он догадывается, что могло случиться с этим несчастным, если тому не повезло.

Человек в пальто мог найти себе попутчика.